

Наталья Богачева

Выставка Эфрусси в Вене

В декабре прошлого года я совершенно случайно оказалась в Вене. В тот период там проходили выставки-хиты – Дюрер в «Альбертине», Караваджо и Бернини в Музее истории искусств, которые я не могла пропустить. Однако самой важной для меня выставкой, куда я и отправилась с утра пораньше в воскресное утро последней недели перед Новым годом, оказалась совсем другая. В Еврейском музее Вены, что в самом центре города, буквально за углом от собора святого Штефана и здания самого большого в немецкоязычном мире аукционного дома Доротеум, на Доротеергассе, 11, была открыта выставка «Эфрусси. Путешествие во времени». Почему же именно эта выставка оказалась важнее грандиозных выставок-бестселлеров прошлого года? Все просто – потому что я одесситка. А выставка, посвященная Эфрусси, не должна оставить равнодушным ни одного человека, который родился в Одессе.

Само здание Еврейского музея когда-то принадлежало другой знаменитой еврейской семье и называлось по имени владельцев дворцом Эскелес. По словам Вильгельма Кирша, который написал в 1883 году книгу об улицах Вены, именно здесь находился и знаменитый салон Сесилии фон Эскелес, где собиралась вся интеллектуальная элита того времени. Что, честно говоря, совсем не удивительно, ведь это самый центр Вены.

Итак, выставка «Эфрусси. Путешествие во времени». Семья эта, о которой современный читатель знает в основном благодаря роману «Заяц с янтарными глазами» Эдмунда де Вааля, одного из потомков знаменитой династии, путешествовала и продолжает путешествовать не только во времени, но и в пространстве. Вена, Париж, Лазурный Берег, Мексика, Япония,

„Wer ist dieser Ephrussi?“, fragte Scholem. „Kennst du den Ephrussi nicht?“, erwiderte Pinnele wie ein Erwachsener. „Er ist ein Verwandter auf meiner Mutter Seite, ein reicher Mann, ein Millionär.“

“Who's this Ephrussi?” Sholom asked. “Don't you know Ephrussi?” Pinneleh replied like a grown-up. “He's relative on my mother's side, a rich man, a millionaire.”

Scholem Alejchem, 1915

Великобритания... Одним из самых важных для Эфрусси городов стала Одесса.

Что интересно – поднимаясь на первый этаж, еще до входа на выставку, каждый посетитель мог любоваться старинной фо-

тографией с видом Потемкинской лестницы и цитатой Шолом-Алейхема из его произведения «С ярмарки»:

– Кто же этот Эфроси? – спрашивает Шолом.

– Ты не знаешь Эфроси? – отвечает Пинеле тоном взрослого. – Эфроси – это наш родственник со стороны матери, богач, магнат, миллионщик!

Конечно, я не сдержалась и выложила именно эту фотографию в Фейсбук.

Потемкинская лестница и цитата Шолом-Алейхема – своего рода подготовка, ведь путешествие во времени начнется именно в Одессе, весь первый зал выставки посвящен одесскому периоду жизни семьи Эфрусси. И то, что Одессе отведено первое место, – совершенно не случайно. Строго говоря, началась история этой семьи в Бердичеве, откуда Хаим Эфрусси перебрался в Одессу в 1830-х годах, начав торговлю зерном. Именно Одесса стала местом, где семья разбогатела, открылись новые возможности. Одесса стала для Эфрусси своеобразным окном в мир – а значит, и выставка должна была начинаться именно в «одесском» зале.

Итак, первый зал, Одесса. Название города обозначено кириллицей, затем – латиницей, на иврите и японском.

У меня создалось впечатление, что именно одесский «genius loci» стал основным героем, главной задумкой этой части экспозиции, ведь мест, где были возможны подобные социальные лифты, в то время в мире было не так много. В результате небогатая изначально еврейская семья Эфрусси смогла достичь невероятного богатства и даже породниться с Ротшильдами. Что касается самой Одессы, посетителям она была представлена следующим образом: основание города в 1794 Екатериной Великой, затем Одесса – один из коммерческих центров огромной империи с очень неоднородным населением – греки, турки, русские, украинцы, евреи, татары и другие, либеральные законы, которые и подарили многим евреям шанс такого «социального лифта». Была и другая сторона медали – погромы и жертвы антисемитизма... Еще один факт, отмеченный организаторами, – превращение Одессы

ОДЕССА

ODESSA ОУТХ オデッサ

SOZIALER AUFSTIEG

Die von Katharina der Großen im Jahr 1794 am Ufer des Schwarzen Meeres gegründete Stadt Odessa zählte zu den pulsierenden Handelsmetropolen des russischen Reiches. Die Bevölkerung von Odessa war bunt gemischt: Griechen, Türken, Russen, Tataren, Juden, Ukrainer und andere prägten das Bild der Stadt. Die vergleichsweise liberalen Gesetze von Odessa ermöglichten vielen Jüdinnen und Juden den sozialen Aufstieg. Chaim Ephrussi, auch Joachim oder Charles Joachim genannt, zog um 1830 aus dem westukrainischen Schtetl Berditschew nach Odessa. Er widmete sich dem Getreidehandel, gründete ein Bankhaus und gehörte bald zu den erfolgreichsten Geschäftsleuten Odessas. Der Reichtum der Ephrussis und anderer jüdischer Unternehmer zog den Neid vieler nichtjüdischer Bürgerinnen und Bürger auf sich. Im Laufe des 19. und 20. Jahrhunderts ereigneten sich in Odessa Pogrome mit zahlreichen jüdischen Opfern. Gleichzeitig entwickelte sich Odessa zu einem Zentrum jüdischsprachiger Kultur, des Zionismus und der jüdischen Arbeiterbewegung.

SOCIAL ADVANCEMENT

Odessa on the shores of the Black Sea was founded by Catherine the Great in 1794 and was one of the most vibrant commercial centers in the Russian Empire. Its population was very mixed, consisting of Greeks, Turks, Russians, Tatars, Jews, Ukrainians, and others. The comparatively liberal laws enabled many Jews to advance in society. Chaim Ephrussi, also called Joachim or Charles Joachim, arrived in Odessa around 1830 from Berdychiv, a shtetl in western Ukraine. He was a grain trader, founded a bank, and was soon one of the most successful businessmen in Odessa. The wealth of the Ephrussis and other Jewish entrepreneurs aroused the envy of many non-Jewish citizens. There were pogroms throughout the nineteenth and twentieth centuries with a large number of Jewish victims. At the same time, Odessa developed into a center of Yiddish culture, Zionism, and the Jewish workers' movement.

в центр еврейской культуры и ее роль в зарождении сионизма и движении еврейских рабочих.

Теперь подробнее об экспонатах.

На стекле перед видом Приморского бульвара (открытка из коллекции семьи де Вааль) еще одна цитата, теперь из Бабеля, «Конец богадельни»:

Они лежали тут – лицом к воротам – Ашкенази, Гессены и Эфрусси, – лощеные скупцы, философические гуляки, создатели богатств и одесских анекдотов.

В витрине берлинское издание сочинений Исаака Бабеля – «Три мира» 1931 года, свидетельство о рождении Виктора Эфрусси, выданное одесским раввином, диплом о присвоении Игнацу Эфрусси, почетному консулу Королевства Норвегии и Швеции в Одессе, ордена Святого Олафа, и орден Полярной Звезды, которым Игнац был награжден в 1882 году. Кстати, среди кавалеров этого ордена много известных личностей, например Николай Рерих. Девиз ордена «Nescit occasum» («Не знает заката» на латыни) – на мой взгляд, очень метко определяет тот период жизни династии Эфрусси. Успех, богатство, слава, удача сопутствуют им во всем. Совсем скоро – Вена и Париж, международный успех.

Рядом с витриной транслируется немой фильм «Беня Крик» 1926 года, режиссер – Владимир Вильнер, под экраном – открытки и фотографии той эпохи. Здание одесской биржи, ныне филармонии, сцена в порту, статуя герцога Ришелье, вновь Потемкинская лестница, синагога Бродского, евреи, оплакивающие жертв погрома, отряд еврейской самообороны, кантор Пинхас Минковский и хор мальчиков вновь в синагоге Бродского.

Вот так была представлена Одесса.

Теперь – время отправляться в «большой мир». Символично и то, что для многих одесситов Одесса – старт, отправная площадка перед переездом в Нью-Йорк, Париж, Токио, Лондон, Прагу... Среди моего поколения таких людей, семей очень много. И это объединяет нас и Эфрусси.

Следующий зал – Вена, куда переехал Игнац, в то время как старший сын Леон продолжал оставаться в Одессе. Брак Игнаца

с Эмили Поргес стал своеобразным пропуском в «высший свет» Вены. Дед Эмили, Герман Тодеско, был одним из основателей городского храма и президентом еврейского сообщества. А уже в 1871 году император Франц Иосиф сделал Игнаца Эфрусси дворянином. Виктор Эфрусси, сын Игнаца, стал первым, кто отказался от российского гражданства и получил право на проживание в Вене.

В 1869 году Игнац Эфрусси поручил Теофилу Хансену, любимому архитектору венской гранд-буржуазии, строительство резиденции на Франценринг, 24, получившей название Palais Ephrussi, или дворец Эфрусси. Картины в бальном зале изображали библейскую историю Эстер, возможно, это и было своеобраз-

ным символом признания Игнацем Эфрусси своего еврейского происхождения.

Кстати, именно в этой части выставки, посвященной Вене, начинают появляться витрины со знаменитой коллекцией наэкке, которые далее размещены во многих залах.

В мае 1938 Виктора Эфрусси и его сына Рудольфа арестовывают нацисты. Виктор Эфрусси подписывает бумагу о передаче им всего своего имущества, включая предметы искусства, которые впоследствии были распределены нацистами по различным музеям и среди арт-дилеров.

Вопрос реституции по-прежнему актуален – и этому был посвящен отдельный стенд. Несмотря на многочисленные препятствия, четверо детей Виктора Эфрусси смогли подать свое заявление о реституции к Австрийской Республике. Часть отобранного нацистами вернули в 1949 и 1950 годах, однако это было лишь начало истории. В 2000 семье вернули четырнадцать отобранных объектов, а в 2014 году город Любек вернул картину Корнелиса Спрингера. Что примечательно – последнее на сегодня дело о реституции как раз и началось во время подготовки данной выставки в Еврейском музее Вены! К возврату была рекомендована работа Франца Адама, которая сейчас находится в Музее военной истории Вены.

К сожалению, не все можно вернуть. Виктору Эфрусси не суждено было стать историком, однако он собрал уникальную библиотеку из более чем 2000 томов. В апреле 1938 в числе прочего имущества библиотека была «национализирована» гестапо. После войны Национальная библиотека Австрии обнаружила лишь 410 томов, которые и передала наследникам Виктора Эфрусси.

Шарль Эфрусси, в отличие от своих старших братьев Жюля и Игнаца, не стал заниматься банковским делом. Он стал одной из самых заметных фигур парижской богемы – коллекционер, меценат, издатель, пылкий почитатель Дюрера. Именно он стал одним из прототипов Свана в романе Марселя Пруста «В поисках утраченного времени». Именно он купил у Мане его работу «Пучок спаржи» за сумму большую, чем просил сам художник, – а затем Мане остроумно подарил ему еще один небольшой натюрморт, назвав его «Стебельком, что отвалился от вашего

пучка». Именно он стоит в дальнем правом углу, в цилиндре и черном костюме, на работе Ренуара «Завтрак гребцов». Помните французский фильм «Амели»? Пожилой сосед главной героини всю жизнь делает копии именно этой картины, пытаясь постичь ее загадку. Кстати, и на выставке демонстрировался этот фрагмент из кинофильма.

И еще одна ниточка из мира кино. Совсем недавно вышел фильм Романа Поланского «J'accuse», на русском «Офицер и шпион», интерпретация на тему дела Дрейфуса. А на выставке показали знаковую работу Эдгара Дега «Генерал Меллинет и главный раввин Аструк» времен франко-прусской войны. Дега, как известно, был фанатичным антисемитом и оппонентом Дрейфуса, и сын раввина Габриэль считал, что именно эта картина изображает его отца в неверном свете и придает его лицу алчное, несвойственное для него выражение. «Эта работа – не искусство, а погром». Вот цитата Габриэля Аструка, которую выбрали для описания этого эпизода.

К слову, в Париже Эфрусси почти сразу стало именем нарицательным. «Короли зерна» – вот как называли их во Франции. В своем «Дневнике» братья Гонкур довольно нелестно отзывались об Эфрусси, с оттенком антисемитизма. Их ставили в один ряд с Ротшильдами и часто считали лишь типичными богатыми еврейскими банкирами.

Между Ротшильдами и Эфрусси действительно было много общего, и в целом отношения между двумя династиями были дружественными. Однако Беатрис Ротшильд все же пошла наперекор семейной традиции, выйдя замуж за Мориса Эфрусси. Морис был на пятнадцать лет старше жены и страстно любил скачки. Беатрис много путешествовала и увлекалась архитектурой и искусством. К сожалению, брак был бездетным. Однако осталось прекрасное детище Беатрис на Лазурном Берегу Франции – ее вилла на мысе Сен-Жан-Кап-Ферра. Этот потрясающий музей с подлинными предметами искусства и великолепными садами баронесса завещала Французской академии изящных искусств. Сегодня вилла открыта для посещения, а значит, стоит загадать место для следующей поездки во Францию.

„Oh, wie herrlich lebten sie! Durch ein graues, silbernschimmerndes Gitter von der gemeinsamen Straße getrennt, war das Haus Efrussis von grünem, weitem Rasen umgeben.“

“Oh! They lived in style. The Efrussi mansion was separated from the common street by a shining, silvery railing, and surrounded by a broad, green lawn.”

Joseph Roth, 1923

Еще одна интересная женская судьба из рода Эфрусси – судьба Жизелы Эфрусси. Она вышла замуж за испанца Альфредо Бауэра и переехала в Мадрид, где стала известной художницей. Когда в стране разразилась Гражданская война, вся семья с тремя сыновьями переехала в Мексику. Удивительно, но Жизела смогла реализовать еще раз как успешный дизайнер традиционной народной одежды.

Игги Эфрусси, эмигрировавший в США, также стал модным дизайнером, а во время Второй мировой войны смог вернуться в Европу в качестве солдата во время высадки в Нормандии вместе со своим младшим братом Рудольфом. После войны Рудольф вернулся в США, а Игги переехал в Японию.

Еще до войны Виктор Эфрусси переехал к своей дочери Элизабет де Вааль в Великобританию, где и умер в марте 1945 года. В своем завещании он написал, что отдал все имущество нацистам лишь под давлением гестапо. После его смерти Элизабет стала прихожанкой англиканской церкви, а ее старший сын Виктор де Вааль стал деканом Кентерберийского собора.

Игги жил в Токио до своей смерти в 1994 году. А коллекцию нэцке привез в Великобританию внук Элизабет, Эдмунд, который и написал знаменитого «Зайца с янтарными глазами».

Эдмунд и Томас де Вааль бывали и у нас в Одессе, в нашем Всемирном клубе одесситов. Общались с краеведами, искали следы...

Эфрусси, как и многие из нас, – из одесситов «рассеянных», как говорит Михаил Михайлович Жванецкий. Вена, Париж, Токио, Лондон, Мадрид... А началось все в Одессе. Потому невозможно было не пойти. Невозможно не прочесть. Невозможно не почувствовать. Ведь Одесса всегда ближе, чем кажется.

